

Сакральный аспект имперской идеологии России*

Максим Палеолог
Светлана Чистова

Имперская идеология в эпоху Петра I и XIX веке

Со времён Иоанна III главной идеей русской идеологической концепции становится идея Москвы – Третьего Рима. Вся история Московского царства воплощала в себе сакральную идею Священной державы. Мистический ореол был отличительной чертой русской государственной машины до эпохи Петра I. Так принято считать, поскольку именно Пётр разрушил устои старинных московских традиций.

Однако, уничтожив старинную мессианскую концепцию Вселенской

православной державы, он создал новую идеологию *Imperium Sacrum*. Именно Пётр сформировал программу дальнейшего социально-исторического развития России, просуществовавшую вплоть до 1917 г., а в целом применимую и для советского периода. Но было бы неправильно считать, что Пётр I полностью отказался от сакральной идеи русской государственности. Он предпринял попытку соединить сакральное начало российской государственности с западной рациональной традицией.

ПАЛЕОЛОГ Максим Владимирович – кандидат исторических наук (ГБОУ ВПО Московский городской педагогический университет). *E-mail:* mpaleolog@mail.ru

ЧИСТОВА Светлана Михайловна – кандидат исторических наук (ФГБОУ ВПО Московский государственный университет леса). *E-mail:* svetinlink@rambler.ru

Ключевые слова: имперская идеология, «Греческий проект», панславизм, теория официальной народности.

* Окончание. Начало см.: Обозреватель–Observer. 2014. № 8.

С самого детства окружение Петра I внушало ему грекофильские настроения. Симеон Полоцкий написал на рождение царевича:

Яко нам царевич Петр Яве ся родил есть.

Вчера преславный Царьград от турок пленися,

Ныне избавление преславноявися.

Победитель преиде и хочет отмстити,

Царствующий оный град ныне освободити.

О Константине граде! Зело веселися!

И святая София церква – пресветися [1].

Как указывает Н.А.Захаров, Пётр I однозначно мечтал утвердиться на берегах Босфора. Будучи прагматиком, Пётр понимал, что закрепиться на берегах Чёрного моря, после провала Великого посольства, не удастся. Россия вынуждена была начать решение стоящих перед ней геополитических задач с Балтийского побережья. Но несмотря на успехи в Северной войне, к началу первого десятилетия XVIII в. стало понятно, что превращение России в мощную морскую державу возможно только с её закреплением на Чёрном море.

Прутский поход должен был привести русские полки в Константинополь. Русский царь надеялся на восстановление братских православных народов, которые находились под турецким игом. Они должны были помочь в осуществлении эсхатологической идеи восстановления вселенской православной империи под эгидой московского царя. Неудача Прутского похода не охладила пыл Петра I. Он по-прежнему мечтал о Царьграде.

О том, что Пётр не оставил идеи восстановления Византийской империи, свидетельствует его отношение к своим союзникам по Прутскому походу. Он отказался выдать турецким властям молдавского господаря Дмитрия Кантемира, надеясь таким поступком завоевать расположение балканских народов. Этот ход Петру удался [4].

Европейская политика Петра должна была подготовить утверждение русских на Босфоре. Европа должна была стать временным инструментом, который поможет России завладеть Константинополем и воссоздать вселенскую империю. «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны вернуться задом» – так определял Пётр дальнейшее развитие России [7].

Пётр I стремился не просто воссоздать вселенскую православную империю по византийскому образцу, он хотел создать новую мировую империю, соединяющую в себе как византийскую, так и западную – римскую – имперские традиции. Для этого возводится новая столица России – Санкт-Петербург. Наименование новой столицы должно было вызывать ассоциации со старым Римом – градом Петровым. Даже герб Петербурга напоминает ватиканский герб с ключами святого апостола Петра.

Таким образом создаётся уникальное в политическом плане государственное образование, имеющее две столицы, два сакральных центра: Москва – Третий Рим и Санкт-Петербург – аналог Рима древнего, града апостола Петра. Эсхатологическая символика ярко выразилась в российской имперской символике: им-

перский двуглавый орёл – символ объединения в рамках сакральной империи Востока и Запада и две столь разные столицы, выражающие глубинную суть этой двойственности.

Постепенно образ «Святой Руси» заменяется образом «Великой России». Апогеем этих метаморфоз было принятие Петром I в 1721 г. титула императора Всероссийского. Византийские и римские начала постепенно смешались в российской государственной системе. Именно с эпохи петровских времён в российской государственной практике прочно закрепились понятия «сенат», «синод», «коллегия» и т.д.

Однако было бы неверно утверждать, что Пётр отказался от традиционной московской эсхатологической парадигмы социально-исторического развития России. Идея единственной православной мировой империи получила своё развитие в политической мифологии петровского времени. Особая роль и претензии России в духовном и политическом плане обосновывались древностью русского православия и его сакральной миссией, возложенной на российское государство самим Провидением. Несмотря на аналогии с апостолом Петром, истинно русским апостолом становится апостол Андрей Первозванный. Ещё в «Повести временных лет» упоминается сказание о его путешествии по русским землям. Тем самым, в пику Риму, подчёркивалась

древность русского христианства, принятого не от Петра, а от его брата – первоапостола Андрея. Высшим орденом Российской империи становится орден Андрея Первозванного. Эти постоянные параллели становятся сутью имперской мифологии Российской империи, а фактически концепцией «Великой России». Именно этот идеологический дуализм определял и определяет развитие российской государственной идеологии начиная с XVIII в. и до наших дней. Именно поэтому политика Российской империи была преисполнена «священным идеализмом», благодаря которому Россия защищала православных христиан в Османской империи и оказывала поддержку и помощь славянам Балкан.

По мнению В.М.Сторчака, семиотическими атрибутами сакрализации царя как государственного деятеля являлись следующие аналогии: царь – святой; царь – помазанник Божий; царь – земной Бог; царь – Бог; царь – патриарх [10].

Если в допетровское время концепция симфонии властей была эталоном государственной власти, то при Петре I она больше напоминала сакральную власть ветхозаветного Мелхиседека, царя Салимского – слугителя неведомого бога, объединяющего в своих руках как светскую, так и духовную власть. При этом сакрализация царской власти абсолютно не мешала воплощению в жизнь концепции «Великой России».

Развитие имперской идеологии России в XVIII веке

В XVIII в. социально-историческое развитие России шло по пути слияния эсхатологических чаяний русского народа с реальной по-

литической конъюнктурой международной дипломатии. Войдя в круг великих держав, Россия уверенно начала воплощать в жизнь концепцию

«Великой России», построенную на эсхатологической идее вселенской православной державы. Одним из элементов концепции «Великой России» было стремление закрепиться на Средиземном и Чёрном морях, воссоздав Новогреческую империю. Во времена Екатерины Великой русское стремление на Босфор приобрело форму «Греческого проекта». Данный проект был изложен императрицей Екатериной II в письме к австрийскому императору Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г. Как указывает Янис Тиктопуло, ещё во время войны 1768–1774 гг. Потёмкин предлагал императрице Екатерине создать так называемую восточную систему, целью которой было воссоздание Греческой империи под эгидой России. Некоторые исследователи утверждают, что идея «Греческого проекта» была внушена Екатерине графом Минихом [5]. В советской историографии в целом «Греческий проект» Екатерины II представлялся чем-то несерьёзным, не заслуживающим пристального внимания.

Некоторые историки (И.С.Достян, А.М.Станиславская) считали, что план Екатерины – это оторванный от жизни «проект», навеянный романтическими иллюзиями её окружения. Другие (О.П.Маркова, А.Ф.Миллер) трактовали «Греческий проект» как грандиозную мистификацию, призванную обеспечить дружеский нейтралитет венского двора и попутно добиться расположения греков [6].

Апогей имперской идеологии России в XIX веке

Социально-историческое развитие России в XIX в. определялось двумя течениями в общественно-политической мысли: западниками и славянофилами. Именно их

Несмотря на эсхатологическую подоплёку всего «Греческого проекта», цель, которую он преследовал, была вполне реальной. Екатерина II предлагала для устранения территориальных споров между Российской, Австрийской и Османской империями создать новое государство – Дакию (монархом здесь должен был стать светлейший князь Г.А.Потёмкин-Таврический), которая выполняла бы между ними роль буфера. Также планировалось воссоздание Греческой империи со столицей в Константинополе. Новым греческим императором должен был стать второй внук Екатерины великий князь Константин Павлович. По мысли Екатерины, обе империи, и Российская и Греческая, не могли быть объединены под властью одного монарха. Однако воплощение этого проекта не только позволило бы России воплотить в жизнь свои древние эсхатологические чаяния, но и заложить фундамент нового европейского устройства, где основой была бы единая православная конфедерация славянских народов с центрами в Петербурге и Константинополе. Эсхатологическая парадигма социально-исторического развития, определённая Петром I, должна была превратить Россию по-настоящему в мировую державу. Недаром идея славянской федерации была столь популярна в XIX в. в среде славянофилов. Идеи панславизма горячо приветствовались славянскими народами на Балканах.

противостояние определило развитие «русской идеи». Социально-историческое развитие России в это время принимает своеобразные формы. Эсхатологическая парадигма, кото-

рая определяла развитие русской государственности начиная с XV в., не исчезла с развитием евроцентристской цивилизационной идеи. Петровские преобразования и деятельность его преемников только более рельефно выделили эсхатологическую парадигму социально-исторического развития России.

Западников обычно представляют противниками традиционного пути развития России. На самом деле подоплёка западничества была практически такой же, как и у славянофилов, которые сумели адаптировать эсхатологические чаяния русского народа и для философии, и, окончательно, для политической концепции «Великой России».

Так же как и их оппоненты, западники мистически воспринимали идею «Великой России».

Н.Г.Чернышевский, который был несомненным западником, отмечал: «Всмотритесь хорошенько в самого заклятого западника, он с этой стороны часто оказывается славянофилом» [7].

Один из апологетов западничества – П.Я.Чаадаев, высказываясь весьма нелицеприятно в адрес российского самодержавия, при этом воспринимал русский народ как народ, выполняющий особую миссию, принадлежащий к числу наций, «...которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок», когда исполнится «наше предназначение» [8].

В своём письме к А.И.Тургеневу Чаадаев высказался ещё более традиционно для русской мессианской идеи: «Мы призваны... обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это моё глубокое убеждение. Придёт день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся политическим средоточием, и наше грядущее могуще-

ство, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; всё великое происходило из пустыни» [8].

Несмотря на идеологические расхождения со славянофилами, западники не могли также отойти от эсхатологической парадигмы социально-исторического развития России. Западники считали, что Россия должна учиться у Запада, догоняя его, но и А.И.Герцен, и Н.Г.Чернышевский, и историки-западники, вслед за П.Я.Чаадаевым, сохраняли эсхатологическую веру в особую миссию России по спасению западной цивилизации.

Славянофилы же сыграли ключевую роль в формировании российской имперской идеи в XIX в., которая приняла форму теории официальной народности, сформулированной министром просвещения при Николае I графом С.С.Уваровым. Православие, самодержавие, народность – вот три кита, на которых держится русская имперская идея. Как указывает В.М.Сторчак, славянофилы, абсолютизируя Россию, воспринимали её как самостоятельную цивилизацию.

Россия, по мнению славянофилов, «...является особой цивилизацией, наряду с Западом (Европой) и Азией. В её основе лежат православные ценности, которые цементируют и развивают базовые устои данного социокультурного образования. Духовные (естественные) приоритеты российской цивилизации, в отличие от материальных (искусственных) ценностей Запада, являются доминирующими в жизни общества. И в этом отличии чувствуется, несомненно, промысел Божий» [9].

Одним из идеологов славянофильства, а следовательно, и российской имперской идеологии, был А.С.Хомяков. Именно он в своих трудах сформулировал историософскую концепцию, ставшую базой для теории официальной народности. Русское государство мнилось Хомякову как некое священное пространство, построенное на совсем других принципах развития. Если для Западной Европы был характерен экспансионистский путь развития, то Российская империя развивалась естественным образом, формируя свою территорию и государственность путём включения в свой состав новых народов и территорий. Смещение культур и создание единого тела империи, единой имперской культуры определяло органичность социально-исторического развития русского государства.

Хомяков говорил, что «на нашей первоначальной истории не лежит пятно иноземного завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству Русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения» [10].

Фактически славянофилы говорили о естественности развития русской цивилизации и об искусственности построения цивилизации Запада. Самодержавие, как особая форма высшей власти, и соборность, присущая русскому характеру, определяли особую мессианскую роль русского государства.

Признавая Российскую империю единственным оплотом против всякого «мятежа и безначалия», Николай I верил в то, что, повинувшись священному призыву «За веру, царя и Отечество!», русский народ «по заветному примеру наших православных

предков, призвав на помощь Бога Всемогущего», готов выступить против врагов «в неразрывном союзе со святой нашей Русью». Провиденциальная роль российской государственности выражена в заключительных словах Манифеста Николая I: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!» [4]

Формула С.С.Уварова «самодержавие, православие, народность». Эта универсальная формула позволила сплотить русское общество, обосновав всю имперскую идею Российской империи. «Православие, самодержавие, народность» превращаются в «восточную русскую формулу революционной идеи XIX века» [11]. Как считает Н.И.Цимбаев, именно на основе этих трёх «положительных начал» С.С.Уваров трактовал особенные, охранительные устои российской государственности, в отличие от «разрушительных понятий» Запада [12].

Фактически формула С.С.Уварова стала официальной, государственной версией славянофильства в общественно-политической мысли России. Теория официальной народности связала воедино власть и народ, православие и имперскую идеологию, а также народную и дворянскую культуры. Таким образом, восстанавливалась логическая связь с идеей «Москвы – Третьего Рима», а имперская идея приобретала всё более мессианско-эсхатологическую окраску.

Выразителями эсхатологической парадигмы социально-исторического развития являлись такие апологеты имперской идеи, как: Ф.И.Тютчев, поздние славянофилы Н.Я.Данилевский и К.Н.Леонтьев. Именно их

взгляды привели к тому, что Российская империя боролась за свободу балканских народов, пытаясь воплотить в жизнь идею единой всеславянской империи во главе с российским императором.

Российская монархическая интеллигенция своими взглядами фактически сформировала общественное мнение России XIX в. Именно их высказывания, материализованные в политике российского самодержавия, привели страну к жесточайшему разочарованию по итогам Крымской войны 1853–1856 гг.

Ф.И. Тютчев с завидным упорством призывал Россию осуществить свою историческую миссию:

*И своды древние Софши,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России, –
И встань как всеславянский царь!* [13].

Ф.М. Достоевский, вслед за Тютчевым, также внушал русским идею великой миссии Российского государства: «Мы, Россия, необходимы и неминуемы для всего Восточного христианства и для всей судьбы будущего Православия на земле, для единения его. Так всегда понимали это русские государи» [4]. Как указывал Б.П. Кутузов, мессианские чаяния у Достоевского носят глобальный характер, а российский император сродни Мессии – «Освободитель Православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества... Меч России уже несколько раз сиял на Востоке в защиту его. Само собою, что и народы Востока не могли не видеть в Царе России не только Освободителя, но и будущего Царя своего» [4]. Для русского сознания того времени идея византийского наследия становится *ideafixa*:

«Константинополь рано ли, поздно ли должен быть наш... Золотой Рог и Константинополь – всё это будет наше... И, во-первых, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло ещё и теперь, то действительно время уже близко, все к тому признаки, это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрело ещё время» [4].

Таких же взглядов придерживался и известный историк М.П. Погодин. Он обосновывал балканскую политику Российской империи, оправдывая её геополитические устремления общерелигиозными и общекультурными потребностями человечества. Благодаря М.П. Погодину война с Османской империей представлялась всё той же священной миссией, возложенной на Россию самим Провидением:

«Обязана ли Россия подать славянам помощь? Обязана... Наши исторические, родственные обязанности совершенно совпадают с человеческими, христианскими. Этого мало. Славяне исповедуют христианскую веру одинаково с нами и составляют одну с нами Церковь. Следовательно, Церковь благословляет нас на войну и даже требует её во имя всех христианских обязанностей» [5].

М.П. Погодин призывал Россию к крестовому походу против неверных, фактически вменяя им это в их обязанность: «А долг наш перед Европою?... Мы не принимали участия в её крестовых походах; мы должны теперь совершить свой крестовый поход, уничтожить владычество турок в Европе, освободить святые места изпод власти неверных. Так угодно Богу. Это обязанность России, как государства не только русского и славянского, но и европейского» [14].

Таким образом, именно взгляды выдающихся общественных деятелей формировали общественное мнение и внешнюю политику Российской империи. Ни поражение в войне 1853–1856 гг., ни последующие события не могли поколебать священной уверенности русских людей в свою великую миссию. Именно эта уверенность подталкивала Россию к войне за независимость Болгарии. Война 1877–1878 гг. являлась продолжением всё той же имперско-мессианской политики. Создание единой Греко-Российской Восточной империи должно было стать фактором, объединяющим все славянские народы под эгидой России. Как отмечает В.М.Сторчак, корни имперской политики Российской империи в XIX в. кроются в свойственном славянофилам историческом представлении «о тысячелетней христианской державе». Истоки этих представлений восходят к мессианской идее XVI в. И Ф.И.Тютчев, и А.С.Хомяков именно так представляли себе «восточный вопрос». Создание могучей «империи Востока» с центром в Константинополе. Политика и мистика в это время шли рука об руку. Ф.И.Тютчев свято верил, что, согласно предсказанию, Османская империя прекратит своё существование спустя 400 лет после падения Византии [15].

Особо заметное влияние на формирование общественного мировоззрения и государственной идеологии оказал Н.Я.Данилевский. Его книга «Россия и Европа» стала настоящей апологией российской имперской идеологии. В своей книге Н.Я.Данилевский решал несколько главных задач: объяснял, что такое Россия и как она соотносится с Европой; поче-

му Константинополь должен быть российским, а также сформулировал идею славянской федерации.

Главная идея Н.Я.Данилевского заключается в том, что Россия не есть Европа, вследствие чего Европа враждебна России. Путь России – это особенный путь создания империи. В отличие от других империй Россия развивается естественно, не уничтожая самобытности других народов. Обвинение в политической экспансии неприменимо к Российской империи: «Конечно, Россия не мала, но большую часть её пространства занял русский народ путём свободного расселения, а не государственного завоевания. ...Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях попранных народностей» [16]. Российская империя давала возможность народам, не вступившим ещё на путь государственного строительства, реализовать себя в едином организме. Даже территории, вошедшие в состав России путём военного присоединения, в целом выиграли от этого: «Итак, в завоеваниях России всё, что можно при разных натяжках назвать этим именем, ограничивается Туркестанской областью, Кавказским горным хребтом, пятью-шестью уездами Закавказья и, если угодно, ещё Крымским полуостровом. Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя называть завоеванием – в дурном, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле» [16].

На первый взгляд, имперская политика России мало отличалась от имперской политики Великобритании. Однако это верно по форме, но не по сути. Британская имперская

политика представляется некоей панацеей, прививающей культуру и цивилизацию диким народам Востока. Уничтожая самобытные культуры подвластных народов, Великобритания считалась и считается форпостом европейской цивилизации. Российская империя, которая способствовала культурному развитию подвластных ей народов, с лёгкой руки идеологов российской социал-демократии была названа «тюрьмой народов». Европейские исследователи представляли Россию неким политическим Ариманом.

Как указывал Н.Я.Данилевский, Европа панически боялась России: «Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы» [16].

Европа, приписывая России экспансионистские планы, создавала образ врага, успехи которого есть смертельная угроза для существования Европы: «...всякое преуспевание России, всякое развитие её внутренних сил, увеличение её благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастье для всего человечества. Это мнение Роттека есть только выражение общественного мнения Европы» [16].

Вся история XIX в. есть подтверждение этой мысли Н.Я.Данилевского. Интриги Великобритании и Австрии, противостояние с Францией должны были навсегда изолировать Россию от Европы. Апогеем антирусской европейской политики стала Крымская война 1853–1856 гг. Европа не признавала и не признает Россию своей составной частью.

Поэтому Россия и должна проводить собственную политику, без оглядки на Европу, так как Россия есть самостоятельный культурно-исторический тип, противоположный европейскому германо-романскому [16].

Чтобы обеспечить свою безопасность и оградить себя от нападков европейских держав, Российская империя просто обязана была взять под контроль Константинополь и проливы. Таким образом, Россия не только реализовала бы свою историческую миссию – водрузить крест на Святую Софию, но и обеспечить своё геополитическое превосходство над Европой. Естественно, что геополитическое превосходство было необходимо России не для экспансии против Европы, а для обеспечения собственной безопасности против европейского натиска на Россию.

Говоря о Константинополе, Н.Я.Данилевский специально определил его провиденциальный статус: «Особенность Константинополя составляет ещё то, что никакое изменение в торговых путях, никакое расширение исторического театра не могут умалять его исторической роли, а, напротив того, всякое распространение культуры и средств сообщения должны в большей или меньшей степени отразиться на усилении его торгового, политического и вообще культурного значения. ...Но Босфорская столица, сказали мы, не только город прошедшего, но и будущего. И славяне, как бы предчувствуя его и своё величие, пророчески называли его Цареградом. Это имя, и по своему смыслу, и потому, что оно славянское, есть будущее название этого города» [16].

Говоря о будущей принадлежности Константинополя, Н.Я.Данилевский высказался о претензиях России, как обоснованных исторической необходимостью для безопасности Российской империи: «Овладения морскими берегами или даже одним только Крымом (выд. – Авт.) было бы достаточно, чтобы нанести России существеннейший вред, парализовать её силы. Обладание Константинополем и проливами устраняет эту опасность и обращает южную границу России в самую безопасную и неприступную» [16].

Внешняя политика Российской империи в XIX в. была обусловлена исторической и провиденциальной необходимостью для осуществления её исторической миссии. Историческая же миссия России заключается в создании всеславянской конфедерации для противостояния европейской экспансии.

Вполне закономерно, что Россия, желая защитить себя от экспансии Запада, пришла к идее Всеславянского союза. По мнению Н.Я.Данилевского, такой союз должен был объединить Российскую империю (Н.Я.Данилевский считал, что Россия должна присоединить к себе свои исконные территории – Галицию и Угорскую Русь), королевство Чехо-Мораво-Словаков, королевство Сербо-Хорвато-Словенское, королевство Булгарское, королевство Румынское, королевство Эллинское, королевство Мадьярское и Цареградский округ [16].

Н.Я.Данилевский считал, что Всеславянский союз есть историческая необходимость. Именно этот союз помог бы сформироваться самобытной славянской культуре, при этом создание союза есть непереносимое ус-

ловие развития славянской культуры. Многие в Европе опасались, что такой союз поставит в зависимость от российского империализма другие славянские народы. Однако Н.Я.Данилевский обращал внимание на то, что главное условие благополучного существования Всеславянского союза – это невмешательство Российской империи во внутренние дела членов союза и это и есть *sin equano* (непереносимое условие) существования Всеславянского союза [16].

Россия обязана была выполнить эту историческую миссию: «Если Россия не поймёт своего назначения, её неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного» [16]. Н.Я.Данилевский считал, что Россия должна была взять на себя бремя создания Всеславянского союза, это являлось не только необходимой помощью делу славянства, но и было суровой необходимостью для выживания самой России: «Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, – Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей её общности и целостности. Вот выгоды, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России» [16].

Именно эти идеи Н.Я.Данилевского и других российских историков определяли политику Российской империи в XIX – начале XX в. Россия

сумела помочь грекам, сербам и болгарам добиться независимости и восстановить свою государственность. Идея создания всеславянского противовеса Западу была одной из при-

чин вступления Российской империи и в Первую мировую войну. В договоре с Антантой вновь появляются традиционные претензии России на Константинополь и проливы.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что создание империи оставалось единственной формой социально-исторического процесса в России вплоть до 1917 г. Только Российская империя, до момента своего падения, сохраняла сакральный дух имперского строительства.

Именно эта парадигма влияла и на дальнейшее социально-историческое развитие Советского Союза.

Даже отказавшись внешне от сакральных начал имперского строительства, Советский Союз сохранял всё тот же мессианско-эсхатологический дух «Великой России», лежащий в основе российской имперской идеологии.

Хотелось бы сказать, что, выполняя свою цивилизационную миссию, Россия обязана сохранить древний имперский идеал, ибо она может существовать либо как «Великая Россия», либо не существовать вообще.

Примечания

1. *Водовозов Н.В.* История древнерусской литературы. М.: Просвещение, 1972. С. 351.
2. *Захаров Н.А.* Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав. М.: Изд. журнала «Москва», 2002. С. 15.
3. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории общественной мысли XIX и XX веков. М.: Логос Пресс, 1997. С. 116–117.
4. *Сторчак В.М.* Тема российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России. М.: Изд. РАГС, 2003. С. 43–47, 70, 113.
5. *Кутузов Б.П.* Византийская прелесть. М.: Три-Л, 2003. С. 9, 22.
6. *Тиктопуло Я.* Мираж Царьграда. О судьбе греческого проекта Екатерины II // Родина. 1991. № 11–12.
7. *Исаев И.А., Золотухина Н.М.* История политических и правовых учений России XIX–XX вв. М.: Юрист, 2003. С. 251.
8. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 44, 232.
9. *Тютчев Ф.И.* Письмо П.А.Вяземскому // В поисках своего пути... М.: Просвещение, 1999. С. 111–112.
10. *Хомяков А.С.* О старом и новом // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 469–470.
11. *Зорин А.Л.* Идеология «православия – самодержавия – народности» и её немецкие источники // В раздумьях о России (XIX в.). М.: Археографический центр, 1996. С. 105.
12. *Цимбаев Н.И.* Под бременем познания и сомнения // В раздумьях о России (XIX в.). М.: Изд. Археографический центр, 1996. С. 44.
13. *Тютчев Ф.И.* Пророчество. Лирика: в 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 120.
14. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856). М.: Изд. В.М.Фриша, 1874. С. 186.
15. *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 97.
16. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 24–25, 39, 24, 44, 64, 366–368, 376, 388–389, 409, 388–389, 409, 401, 402.